

Григорий Померанц Великий инквизитор и его собеседник

Тему лекции подсказал мне Михаил Ульянов гениальным исполнением роли Великого инквизитора. Христос не просто не был виден. Он был заслонен, как перед глазами Силуана икону Христа заслонил могучий бес, не давая молиться.

Откуда эта мощь, эта черная сила? Я много раз читал «Братьев Карамазовых», но никогда так ясно не почувствовал, что за каждым словом инквизитора стоит вся сила фактов, которые обрушил на нас XX век и начало нынешнего, XXI-го. В XIX веке только Достоевский смутно угадывал их и передал в кошмарных снах своих героев. Сегодня у видений появились точные географические и исторические имена: Колыма, Освенцим, Сумгаит, Беслан.

Поэтому каждое слово инквизитора сопровождается могучим хором событий (это хорошо удалось на телеэкране). И хочется услышать, как услышал Силуан, ободряющие слова: «держи ум свой во аде и не отчаивайся». Эта мысль начинает сквозить в глубине всех пяти романов Достоевского.

Смысл каждого романа всегда скрыт, как кашеева смерть. Сперва она спрятана в порочном кругу обстоятельств: бедный студент, пьяница Мармеладов, приставания Свидригайлова к Дунечке. И вдруг, приемом *deus ex machina*, Свидригайлов уходит из жизни и раздает всем деньги. Что же случилось? Ничего. И только сон, приснившийся Раскольникову в эпилоге, помог Соне растопить его сердце. Многие в это не верят. Я верю.

Почти все романы Достоевского начинаются с власти денег: торгуют Настасью Филипповну за 75 000, за 100 000 – и вдруг Мышкин предлагает ей руку, и вдруг он получает огромное наследство... Но ничего не меняется. Ничем нельзя вырвать из сердца Настасьи Филипповны жгучее чувство обиды. И это чувство обиды становится главной пружиной действия и губит всех – и ее, и Мышкина, и Рогозина. А в паузах действия – еще один слой смысла: никто не может понять главного ума, который принес в мир Мышкин, никто не узнает его, никто не почувствовал, как он, что нельзя видеть дерево и не быть счастливым...

В «Братьях Карамазовых» мы попадаем в грязную ссору между отцом и сыном, где деньги спутаны с похотью, – и вдруг все отодвигается в сторону, младшие братья садятся за стол – и трактир превращается в симпозиум о цене страдания. Не стоит гармония слез одного замученного ребенка. Ни земная, ни небесная. Алеша прижат к стене. Он уже готов расстреливать негодяев. И внезапно вспоминает Христа. Христос всех

способен обнять, всех утешить. И тогда Иван отвечает легендой о Великом инквизиторе. На земле Христос бессилён и уходит, уступает место инквизитору. Больше того – он целует старца в его бескровные уста.

Что означает этот поцелуй? Признание правоты? Не больше, чем призрак Христа, мелькающий во вьюге перед патрулем красногвардейцев. Ещё один порочный круг. Деспотизм рождает бунт. Бунт рождает новый деспотизм. И не дай Бог увидеть русский бунт – и русское подавление бунта.

Инквизитор верил Христу, пытался действовать по Евангелию. Но его идеалы разбились о жизнь, разбились о человеческую низость, разбились о глухоту человека к Богу. И он решил, что прав дух, искушавший Христа в пустыне, что иначе с этими жалкими людишками нельзя. Для их же блага нужен жестокий порядок. Инквизитор – фигура трагическая. Он уверен, что действует ради людей, что он их любит, какие они есть. Он не хуже революционеров. И не лучше. Ранние революционеры – тоже люди трагической судьбы, их идеи тоже разбились о жизнь. И они тоже пришли к «добру с кулаками».

Революционный держите шаг,
Неугомонный не дремлет враг...

Христос с состраданием относится и к тем, и другим, не ведающим, что творят. Одни – во имя церкви. Другие – во имя революции. Инквизитор пытается доказать Христу, что поступил правильно, что перешёл, так сказать, от утопии к науке, и просит Христа не мешать. Место Христа – на небе, на иконах, не в земной жизни. Как небесное божество, его будут почитать, или как японского императора, который царствует, но не правит. В полноту сил Христа инквизитор не верует. Он не верует в Христа как дверь, в которую могут пройти многие, он не верит в обожение человека, и уж во всяком случае – в человечество, пусть не поголовно обожённое, но такое, в котором обожённые охватят всех своим внутренним светом.

И ведь не он один не верит. Даже среди тех, кого канонизировала церковь, признала святыми, мало кто верил в обожённое человечество. Не больше верили, чем среди коммунистов сталинского времени верили в «ассоциацию, где свободное развитие всех будет условием свободного развития каждого». Вспоминали иногда, кто книги читал, как отдалённую цель, как тысячелетнее царство праведных. А пока что шли к этой цели через усиление классовой борьбы (на языке Сталина), через усиление борьбы с ересями (в средние века).

Те и другие, бесспорно, верили, но во что? В имя. С именем Христа на устах св. Ирина казнила иконоборцев. И св. Доминик с именем Божьим на

устах вдохновлял избиение альбигойцев, и с именем Бога на устах убивали гугенотов в Варфоломеевскую ночь, и во имя Божье преп. Иосиф Волоцкий травил лучшее, что было в русской церкви, – заволжских старцев, нестяжателей, людей глубокой духовной жизни, с отвращением относившихся к монастырскому владению крепостными крестьянами.

В книге Кестлера о Большом терроре, «Слепящая тьма», эпиграфом к одной из глав взят средневековый текст. Язык его автора, католического епископа, совершенно советский: нравственно то, что служит церкви (в ленинском варианте – служит революции). И дальше излагается целый список уголовных преступлений, дозволенных ради святой цели. Багрицкий выразил это короче, в двух стихах:

И если прикажет солгать – солги,
И если прикажет убить – убей.

В таком развитии была своя логика. Если человек не способен на обожение (соответственно – если человек не способен полностью отдать себя социалистической цели), то к пропаганде надо прибавить насилие. Такие настроения возникают всегда, если отвлеченные идеалы сталкиваются с жизнью. В том числе плохо понятые демократические идеалы. Играя в демократию, не подготовленные к ней внутренне, мы пришли в тупик: не знали, как остановить резню в Сумгаите, не знали, что делать с Чечней, а потом – ковровая бомбардировка Грозного и убийство детей в Беслане. И кажется, что нужен новый Левиафан, о котором мечтал Гоббс (чудовище–государство, способное подавить мелких гадов), и нужен новый Сталин (конечно, не параноик, не садист, – словом, Великий инквизитор, честный и бестрепетный деспот)...

Исправление Евангелия началось в самом начале, еще до канонизации. Не все в этом было плохо. Павел устранял то, что мешало распространить веру в Христа среди язычников. Самому Христу довольно было еврейской Библии – и свободы ее толкования. «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там и я с вами». Говоря словами Августина, Христос строил незримую церковь для тех, которым не нужно было новых правил, кто непосредственно чувствовали правду Христа, правду обожения. И уловил его стиль: смотреть сквозь законы, данные Моисеем, на жизнь, созерцать разрывы между законами и жизнью, и когда разрывы слишком вырастали, обходить законы (с динарием Кесаря, с грешницей, схваченной в прелюбодеянии) или прямо отвергать некоторые законы (не человек для субботы, а суббота для человека). Павел исходил из этого, когда сказал: буква мертва, только дух животворит. Но Павел строил церковь для народов, для масс, где кое-кто приблизился к Христу, а большинство мало

что поняло. Чтобы держать в руках и постепенно воспитывать народы, вводились новые правила, каноны, обряды. И постепенно подвижники незримой церкви, мистики, непосредственно чувствовавшие Бога, стали мешать. Они нарушали правила.

Проблемой инквизиции был не Христос (его можно было толковать по-своему), а мистики, свободно, не по правилам, рассказывавшие о своем опыте. Совсем без мистиков нельзя было. Без прямых встреч с Богом церковь мертвела. Но полная свобода мистиков, как в Индии, создавать новые направления, сталкивалась с римской имперской дисциплиной. И одних мистиков канонизировали, других сжигали.

В наши дни меры пресечения ересей изменились, но не исчезли, Тейяр де Шардену запрещали печатать его книги, и он покорялся. В Индии свобода духовного поиска дополняет жесткую кастовую систему, устоявшуюся тысячи лет. А в наших условиях на церковь ложится часть задачи по организации общественной жизни, и зримая церковь невозможна без дисциплины. Возникает переключка зримой и незримой церкви. Она необходима, но идет с трудом, спотыкаясь.

Я уже рассказывал, что Аверинцев хотел реформ, но не соглашался с установкой Антония Блума на устройство церкви, где каждый имеет непосредственную встречу с Богом. Антоний опирался на опыт Сурожской епархии, где в центре стоял он сам, а каждого прихожанина принимал после испытательного срока в несколько лет. В такой церкви каждый, по крайней мере, имел опыт узнавания Блума, встречи глаз с глазами человека, имевшего встречу. Но вот Блум умер, а где второй? Его нет. Есть несколько учеников, но их мало на всю Россию. И без установленных форм, без обрядности православие не устоит; а оно тесно связано с русской культурой; она перестала быть единственной, но остается первой среди равных.

Можно спорить о темпе, о характере реформ, но они необходимы. Нужны мосты между Христом-человеком и человеком, несущим Христа в сердце. У самого Христа этой пропасти не было, но уже в первые века Христос-Бог поглотил, или почти поглотил Христа-человека. Подобие Христу сводилось к формуле, доступной рабу: Христос терпел и нам велел. Долг всматриваться в жизнь и решать, что делать с прямолинейностью закона здесь и теперь, возлагался даже не на церковь в ее будничной жизни, а на вселенские соборы. И никак не воспитывалось чувство ответственности каждого за общий порядок. Христианство либо загонялось в угол, как это сделали большевики, либо восстанавливалась византийская «симфония» между церковью и государством. Самостоятельное мышление в церкви подавлялось. Только константинопольская патриархия простила

Силуану его смелые слова: «Я не верю в Бога, я знаю Бога» (знаю прикосновение Бога, знаю присутствие Бога в моем сердце). Для большинства православных ересью до сих пор звучат слова Экхарта: «что мне с того, что мой брат богат, если сам я беден»... – то есть я ничто, если нет у меня непосредственного опыта «встречи».

Я решаюсь следовать за Экхартом и сказать: тот, кто ищет подлинной веры, начинает с тоски по ней, с неудовлетворенности всем зримым в зримой церкви. Он ищет «встречи» с познавшим встречу, тоскует по глазам, в которых чувствуется «встреча».

Первые шаги могут быть разные. Глубину может расшевелить и созерцание природы, и молитва, и обряд, но нельзя обойтись без тоски по тоске (это выражение Экхарта). Если этого нет, то имя Бога не спасает. Тогда церкви нет, а есть церковная организация, которая превыше всего, и во имя Бога все позволено. Так же, как для Ивана: если Бога нет, то все позволено. Был же опыт «железной гвардии», румынской фашистской организации, повернувшей в свою пользу наследие отцов православной церкви и очень успешно сотрудничавшей с Гитлером. И было предупреждение о.Александра Меня о возможности союза клерикалов с фашизмом.

Георгий Петрович Федотов писал: Мы не спрашиваем, какой вы веры; мы спрашиваем, какого вы духа. Дух истины велит глядеть в глаза Великого инквизитора, держать ум свой в аду – и не отчаиваться. Если мы сохраним мужество и настойчивость, мы найдем путь обожения и пойдем по Божьему следу. Антоний Сурожский хорошо объяснил, что это значит: уйти на глубину, где уже исчезает эго, и «вглядываться, долго, спокойно, пламенно-чисто в канву истории, канву жизни и благодаря такому созерцанию, глубокому вглядыванию различить в ней след Божий, нить Ариадны, золотую нить, красную нить, которая укажет, куда Бог ведет нас среди окружающей нас сложной целостности жизни. И тут громадная разница между мудростью и человеческой опытностью. Опытность – результат прошлого, накопленный человеческий опыт; она обращена к пережитому, опыту более обширному, чем личный опыт, и делает выводы интеллектуально основательные, точные, глубокие. А мудрость поступает «безумно». Мудрость состоит в том, чтобы погрузить свой взор в Бога, погрузить свой взор в жизнь в поисках того, что я только что назвал следом Божиим. Действовать безумно, нелогично, против всякого человеческого

Приведу простой жизненный пример: вести переговоры с Басаевым – безумие, отрицание проверенных принципов. Но продолжать свою верность принципам – еще большее безумие. И открытый вопрос – где проходит «божий след».